

Ксюша Иванова

**НИКОГДА ТЕБЯ
НЕ ПОЛЮБЛЮ**

УДК 82-993
ББК 84-4
И17

Иванова К.

И17 Никогда тебя не полюблю / Ксюша Иванова – М.: Литнет, 2025. – 302 с.

ISBN 978-5-521-93056-2

Глухая деревушка с десятком жителей... Компания студентов, приехавшая развлечься. Связь? Нет. Город? Далеко. Развлечения? Квест, придуманный одним из парней. Ну, а в дополнение к нему - выпивка, костер, старый бабушкин дом... Полина и Андрей - сводные брат и сестра. Она давно и безнадежно в него влюблена. Он встречается с другой... А есть еще старинное кольцо, способное исполнять желания... И почему только давние друзья ведут себя так странно? И кто это там в темноте скрипит разошедшимися половицами старого дома?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93056-2

© Литнет, 2025
© К. Иванова, 2025

Пролог

– Полюночка, почему ты не спишь? – мама трогает теплой мягкой ладонью мой лоб, а потом, точно таким же движением кладет ее на лоб спящего Андрюши. – Все в порядке. Он не горячий. Таблетка подействовала. Ложись спать, моя хорошая.

Я покидаю свой пост у изголовья брата, послушно бреду к своей кровати – до самой школы мы жили с ним в одной комнате – и укладываюсь. Мама укрывает, разглаживает одеяло, подтыкает его край под мои замерзшие ноги и, прежде чем поцеловать в лоб, говорит:

– Я знаю, что ты очень его любишь, моя добрая девочка, и я тоже люблю... И его, и тебя, и Кирюшу. Все будет хорошо, правда. У Андрюши ангина, это не страшно, он обязательно выздоровеет.

...Иногда мне кажется, что уже тогда, будучи девчонкой-несмышленышем, я любила его иначе, чем старшего брата Кирилла. В то время, конечно, я еще не знала, что спустя десяток лет, он станет моей первой любовью. И уж точно даже предположить не могла, что в моей жизни будет только одна любовь. К нему. Это потом, намного позже, я буду постоянно задаваться вопросом о несправедливости факта только моей осведомленности в том, что он мне не брат! Долгие годы я буду выходить из себя, думая о том, что Андрюша только делает вид, что не помнит о детском доме, не помнит о том, что когда-то у него была другая мать! Нет, я ни в коем случае не ревновала его к нашим родителям! Хотя нет, все-таки ревновала... Только не их к нему, а его к ним! А это – большая разница! Даже к родителям ревновала его! Жаль только, что мой язык не способен был озвучить БРАТУ правду. Я изводила его. Я изводила себя. Я изводила родителей. Я была просто невыносима.

...Нам по шестнадцать...

– Полина, передай соль, пожалуйста!

О, эта долгожданная просьба! Та-ак! Как бы это сделать... А вот!

– Держи, братишка! – ловкое, практически неуловимое движение и крышка слетает с солонки, а Андрей берется именно за неё, за крышку! И, вуаля! Солонка целиком и полностью летит в Андрюхину солянку, разбрызгивая бульон с кусочками ветчины на скатерть и, конечно, на брата!

– Полина, что здесь происходит? – мама, как всегда возвращается не вовремя.

– А чего это сразу Полина? Это Андрюха! – я обиженно криплю губы – МХАТ отдыхает!

– Андрей? – мамин голос отчего-то звучит недоверчиво.

– Мам, прости, это я виноват! Я все уберу!

Почему? Ну почему он все равно ТАК смотрит на меня? Почему в его глазах смешинки и нежность? Сдай меня хотя бы разок! Умоляю! Чтобы я перестала, наконец, так восхищаться тобой...

Нам по семнадцать... Зима, 2010 год

– Да, пап!

– Полинка, я тут проезжаю мимо твоего катка. Подобрать?

– Э-э, нет! Не нужно! Тут Никитос цветы на трибуне замораживает. Думаю, так и быть, сегодня пройдусь с моим бедным Ромео.

– Ну-ну, пройдишь! Только сильно не издевайся над парнем!

– Хорошо, папочка.

Я выписываю замысловатые узоры на льду. Обязательная часть тренировки закончилась, и теперь я расслабленно катаюсь так, в удовольствие, для себя. Над движениями не раздумываю – тренированное тело само в курсе, что делать. Думаю о другом... О том, что потом заносу в дневник, с которым не расstaюсь даже на тренировках – он лежит в спортивной сумке, в отдельном кармашке, потому что когда из раздевалки расходятся девчонки, у меня остается еще пара минут, чтобы в одиночестве записать:

«...Наша странная семья. Удивительно гармоничная, как на мой взгляд. Семья, где папа без ума от мамы. Семья, где мама до сих пор во время отцовских командировок спит в обнимку с его свитером! Я все знаю о нашей семье. Я умею наблюдать. Я умею выпытывать. Я – хренов Шерлок Холмс. Папа мне не родной. Так же как и Андрею. И даже Кириллу. Только Ульянке повезло – у нее самый лучший набор генов среди всех детей Логвиновых. Хотя мой родной отец тоже был замечательным парнем. Жаль, мне не довелось его увидеть.

Моя семья. С недавних пор, именно семь Я, потому что бабушку пришлось забрать в наш дом – совсем плохо стало со зрением. Кстати, бабушка наша в нашей же странной семье является бабушкой только двоим детям из четверых, и никому из родителей не является матерью... Да-да! И так тоже бывает!»

– Полинка, что ты там строчишь опять в книжке своей?

– Семь способов завоевать мужчину моей мечты! – привычно вру я, захлопывая тетрадку прямо перед носом любопытного Ромео.

– Меня? – Никитос, пробравшийся каким-то чудом в раздевалку, пытается со мной шутить, пряча примороженные розы за спиной.

– Да что тебя-то завоевывать? Ты и так весь мой! Я ж говорю «мужчину мечты»!

– Да-а? – разочарованно тянет он. – А я вот тебе цветы принес...

– Ладно, давай уж, – беру в руки три прекрасных белых бутона на длинных стеблях. – Поздравляю! Сейчас ты сделал маленький шагок на пути к нему.

– К кому?

Никитос, конечно, милый парень – симпатичный, высокий, что для меня очень важно, потому как я давно и четко представляю себе свой идеал мужика. Неглупый – учится замечательно, увлекается физикой, которая для меня хуже атомной войны. Тем и полезен – себе контрольную не решит (а хотя, обычно, и себе успевает тоже!), а вот мне – обязательно. И девчонкам он нравится, что высо-

ко поднимает мое самомнение. Ну, пусть немного притормаживает, когда дело касается моих шуточек – чувство юмора у него хромает – но ведь это же не самое главное!

– На пути к тому, чтобы стать идеальным мужчиной. Бери сумку, что стоишь?

Он послушно хватает мою спортивную сумку с коньками и одеждой, а я хватаю его за руку и тащу на улицу.

И даже возле дома, куда мы добираемся в рекордно короткие полчаса – мороз все-таки – я держу его за руку. И даже терплю, хоть это и не очень приятно, его холодные губы на своих губах. А его нос, которым он касается кончика моего носа кажется мне вообще ледяным. Но я терплю и этот поцелуй, и этот нос... И даже придерживаю Никитоса, когда, спустя короткое мгновение, парень собирается отстраниться – обычно я не балую его поцелуями...

Потом отодвигаюсь сама и бросаю быстрый взгляд на ЕГО окно. И, пусть это невозможно, но мне вдруг кажется, что штора там, на окне брата легко шевелится. Глюки, конечно. Это я, дурочка, всегда жду его, а ему-то зачем?

«Мои» дни – вторник и четверг, когда у Андрея борьба, суббота и понедельник – когда он плавает. Хорошо хоть в среду и пятницу хожу на каток, а значит, избавлена от сомнительного удовольствия ждать его. Ну а в воскресенье я занимаюсь пением.

Наскоро прощаюсь с Никитой – к счастью он живет на нашей улице, и не успеет околеть окончательно, пока добежит до своего дома.

– Полинка, губы обветришь, – шипит мне Андрей в прихожей, проходя мимо.

– Ну и пусть. Мои же губы... – язвительно бросаю ему вслед. Неужели все-таки видел? Или с моими губами что-то не так?

– Что-то цветочки тебе Никитка какие-то страшненькие подарил – впрочем, какая девушка, такие и цветочки... – в огромных, синих до невозможности, прекрасных глазах моего брата пляшут

искорки. Это происходит всегда. До белого каления мы доводим друг друга. До желания ударить. До зуда в ладошках.

– Зато у тебя девушка – красавица! Жаль только, что проститутка... – не остаюсь в долгу я, топая следом на кухню.

– Полина, это что за выражения? – со стороны столовой в кухню одновременно со мной входит мама.

– Ну, ладно, больше не буду... А «путана» можно говорить? Между прочим, вы с дядей Артемом пели в прошлую субботу: «Путана, путана, путана! Ночная бабочка, ну кто же виноват!» Значит, слово это литературное!

– Кто здесь путана? – естественно вслед за мамой появляется отец – если он дома, долго вдалеке от жены находиться не может. У него с чувством юмора все в порядке. А еще он совершенно не стеснительный. И в нашей семье обожают телячьи нежности, обнимашки, целовашки и тому подобное. Особенно опять же это любит отец. И, не обращая внимания на нас с Андреем, папа подходит к маме, нарезающей помидоры на салат, обнимает ее за талию, и целует в шею. И я отчетливо вижу, как на мгновение замирает мама. Как привычным жестом откидывает голову на плечо отцу. Столько лет женаты, а все не нацелуются...

И я, желая оправдать всеобщее мнение о том, что мой язык хуже змеиного жала, уже готова сказать какую-нибудь гадость снова, но вдруг перевожу взгляд на брата и с удивлением замечаю, что он не в экран телефона смотрит, а на меня! И взгляд у него такой... Такой непонятный... Станный. Будто испугавшись, что я просканирую его мозг и визнаю всю правду, открою, о чем он думает, Андрей тут же отводит глаза.

– Полин, а ты уроки сделала?

Ага, я ж труд всей своей жизни пишу «Семь способов...», когда ж мне было? И каток еще...

– Да, мам! Там осталось биологию почитать...

Андрей иронично поднимает бровь, но ничего не говорит. Конеч-

но, он знает правду, потому что мы в одном классе учимся. И правда эта в том, что мне сегодня до-олго корпеть над учебниками. Но Он не сдаст. Никогда. А я невольно люблюсь этой черной бровью. Ее четким изломом. Тем, как резко выделяется она на светлой коже. И совершенно невозможные желания вдруг просыпаются во мне. То, о чем даже думать нельзя... Приходится встать из-за стола, так и не дождавшись ужина.

– Мам, пап, я пойду к себе...

– А ужин? Поужинаешь и пойдешь.

– Восемь, – вдруг выдает Андрей.

– Что восемь? – спрашивают родители в один голос.

– Восемь вечера. Полинка не ест после шести. Потому что толстая, – вместо меня отвечает брат.

– И тебе, дружок, не советую, а то вместо кубиков на прессе шарик будет... один, – смеюсь я и уже с лестницы на второй этаж добавляю. – А путаны, они мужиков с шариком не любят, зуб даю!

И убегая наверх. Потому что мама кричит свое любимое «Полинка, бесстыдница!» Папа хохочет. А бабушка из кресла в гостиной добавляет масла в огонь:

– Путанам, Полиночка, все равно – шарик или кубик... «Любой, кто заплатил, имеет все права, и вот ночную бабочку ведут!»¹

¹ О. Газманов (автор слов и исполнитель) «Путана»

1 глава. Весна. Выпускной класс

Общешкольная олимпиада по литературе на восьмом уроке – такое может присниться только в страшном сне. Я любила читать. Но никогда бы не подумала, что это мое увлечение однажды буду считать ужасным. Как сегодня. Наша компания сегодня должна собраться дома у Олеси Варваниной. Близились осенние каникулы, и мы собирались оторваться по полной. Наш генератор идей, Леха Ушаков, утром пришел в школу с красными глазами и заявил, что не спал почти всю ночь вовсе не из-за приближающихся ЕГЭ, а по той причине, что обдумывал бомбический план на каникулы и придумал ТАКОЕ!!! В общем, все были в предвкушении и очень ждали завершения уроков.

Но во время алгебры в класс постучала Елена Васильевна, наша классуха и учитель русского и литературы в одном лице, а, дождавшись разрешения войти от математички, объявила, что по причине грядущего отъезда завуча на какую-то конференцию завтра, олимпиада переносится на... сегодня!

С трудом представляя себе, каким образом связаны завуч, ее отъезд и наша олимпиада, трое несчастных из нашего класса, в том числе и я, тут же завопили, что нужно предупреждать заранее, что у всех свои планы, но злобная гримза математичка, прозванная нами Курочкой за прическу, напоминающую гребень, пригрозила вызвать особо недовольных к доске.

...Скорее всего ребята из нашей компании, не преуспевшие в литературе, сейчас спокойно заседают у Леськи. А вот мне, Андрею и Вадиму, лучшему другу моего брата, не повезло.

Вместо того, чтобы начать выполнять задания, я смотрела в окно. Точнее, в стекло. В стекле отражался профиль Андрея, сидящего

с Дмитривым за партой передо мной. Обычно я старалась расположиться в классе так, чтобы брат не попадал в радиус моего обзора, чтобы где-то за спиной был – иначе ведь не смогу заниматься, буду только за ним наблюдать! Но сегодня немного опоздала, и все места впереди неожиданно оказались заняты. Я вообще старалась держаться от своего брата подальше. С того момента, когда поняла, что мои чувства к нему выходят далеко за пределы братских...

Поначалу Андрей, конечно же, не понимавший, почему я веду себя с ним иначе, не так, как прежде, пытался общаться со мной как обычно, а надо сказать до шестнадцати лет мы были не разлей вода. А потом, устав от моей вечной грубости, начал вести себя в точности, как и я – подшучивать, подсмеиваться, а иногда делать вид, что меня не существует. Единственное, чего брат никогда себе не позволял, это подлянки, то и дело мною ему подкладываемые...

– Логвинова, на выполнение задания у тебя есть всего тридцать пять минут, десять ты уже на ворон потратила, – с доброй улыбкой произнесла непонятно как оказавшаяся рядом Елена Васильевна. – Все в порядке, Полина?

– Да, Елена Васильевна, в порядке, – бросив последний взгляд на Андрея, я неожиданно поймала ответный там же – в стекле пластикового окна. Мне показалось, что смотрит он обеспокоенно – ха, мой умница-братик не знает ответов?

Я покрутила в руках листики с тестовыми заданиями и увидела, что на обратной стороне последнего из них в столбик напечатаны ответы! Покосилась на соседку по парте. Машка Иванова, радостно подмигнула мне, показав глазами на свой такой же листик. Это что за развод такой? Откуда ответы? И зачем? Нет, ну ладно бы контрольная была, когда оценка в журнал идет, но ведь это – олимпиада! Тут же нужно показать что-то сверх программы! И как потом определять победителя будут, если у всех одинаковые ответы окажутся?

Я не могла решить, как поступить – сказать Елене Васильевне